

Живёт в Римониме (Израиль). Визитная карточка участника.

* * *

Дрожит внутри тревожный колокольчик,
мне ль ни узнать его шальной призыв.
Я не боюсь, но звонок и игольчат
наш полдень в ожидании грозы.
Падёт-падёт на листья гулкий ливень,
взовьёт-взовьёт от первых капель пыль.
Сведёт в аккорд свой рокот торопливый
и загудит. И успокоит пыл

густых-густых непрошенных хамсинов.
Ловить и пить натруженным корням
протяжный штрих дождинок. Пить, разинув
сухие рты. А нам с тобой, а нам
дождя не ждать угарным этим летом.
Мы улетим на север, он без нас
соскучился. Но дождь припустит следом,
догонит где-то западней Черкасс,
подумает-подумает немного
и скажет: нет, не нужен третий вам.
Ложись-ложись нам под ноги, дорога,
Делись-делись, любовь, напополам.

* * *

В четыре строгий серый цвет
смягчается. Зрачок рассвета
кошачье узок. Мят вельвет
ливанских кедров. Тает где-то
на ближних сопках тишина.
А я уже не сплю. Четыре.

Одна, одна, одна, одна.
Мой заповедный монастырь и
мою губительную грусть
кто стережёт? Кому под силу
по косточке, и – хрусть, и – хрусть,
сломать решётку? Что просила
я у дверной петли? Судьбы
легко в четыре просыпаться
на плач струны, на зов тропы,
на сладкий шёпот рудознатца,
нашедшего чужой алмаз?
А день, протяжен и безбрежен,
меня помилует? Гримас
всё больше, лиц – всё реже, реже.

Всё уже жизнь, всё звонче медь
воспоминаний. Отбираю
то, что оставляю: с ветром петь,
легко летать, ступать по краю,
любить кошачьего зрачка
немую пропасть, верить строкам,
где гибельные ТеЧеКа
забыты были ненароком,

накручивать на палец прядь,
(толците, вряд ли кто обрящет),
и каждый божий вечер проверять
почтовый ящик.

* * *

Тайком на свиданье с нечистью
летала на помеле.
Не вздрагивала при нечете
от чёта навеселе.
Глаза открывала – видела:
построен парад планет.
А присного вдохновителя
как не было, так и нет.

Ему до меня ль, летающей?
Ползущих спасает он.
Какие мои лета ещё:
незрелый немой мутон,
наброшен на плечи гения,
привыкшего к холодам
простого грехопадения.
О, воз мой и ныне там.

Созревшим янтарным колосом
когда-то прильну к земле.
Жуком, на картон наколотым,
усну в лазаретной мгле.
Придёшь ли? Заплачешь? Всё-таки
по дочери мы родня.
Хотела б я жить высотами.
Но колышек вбит в меня.

